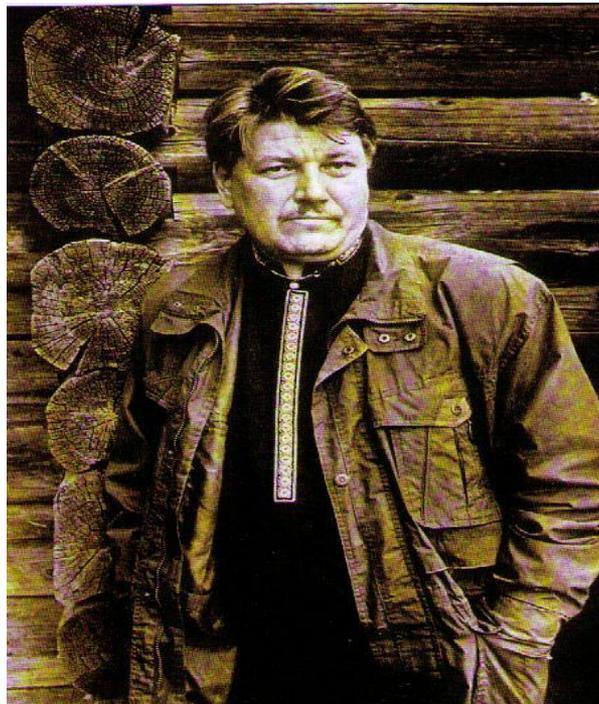

Урок по литературе.

Тема:

***«Простые и вечные истины
в военной прозе В.И.Дёгтева».***

*Литературные
критики называют
Вячеслава Дёгтева
«русским Джеком
Лондоном».*

Вячеслав Дёгтев (1959-2005) родился в Воронежской области, в семье кузнеца. В 1979г. Закончил Вяземский учебный авиационный центр и стал летчиком-истребителем.

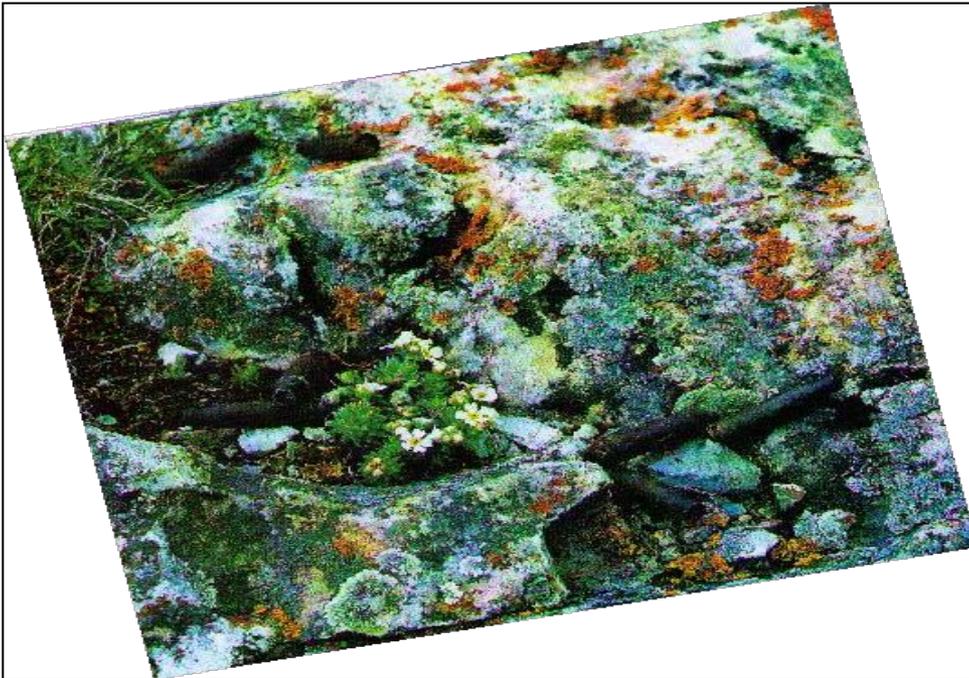
В 1991г. Закончил московский Литературный Институт им. А.М.Горького, принят в Союз писателей России

Выпустил 13 книг прозы. Лауреат премий Андрея Платонова, «России верные сыны», газеты «Литературная Россия», финалист национального конкурса «Бестселлер-2003». Публиковался во многих изданиях: «Роман-газета», «Наш современник», «Юность» и др. Постоянный автор журнала «Москва». Многие рассказы писателя переведены на основные европейские языки.

На вопрос интервьюера «Почему в Вашей прозе основной является тема войны?» Дёгтев ответил: «Подсказывает темы, настраивает на размышления сама жизнь. Еще в 1995г. Было ясно: раз ввязались в войну на Северном Кавказе, надо победить. В Чечне выросло целое поколение молодых людей, не умеющих зарабатывать иначе, чем стрельбой. Произошла подмена ценностей: работать – непрестижно, убивать за деньги – почва для агрессивной идеологии ваххабизма».

«На чем же стоять дальше? Раз выпало родиться в России, надо бороться до конца. Верю в высшие силы, которые не дадут России пропасть. Жизнь должна быть попыткой преобразования мира вокруг себя в соответствии с убеждениями. Даже если мир живет по другим законам и многие сочтут это чудачеством».

В.Дёгтев.

Советую прочитать рассказы В.И.Дёгтева.

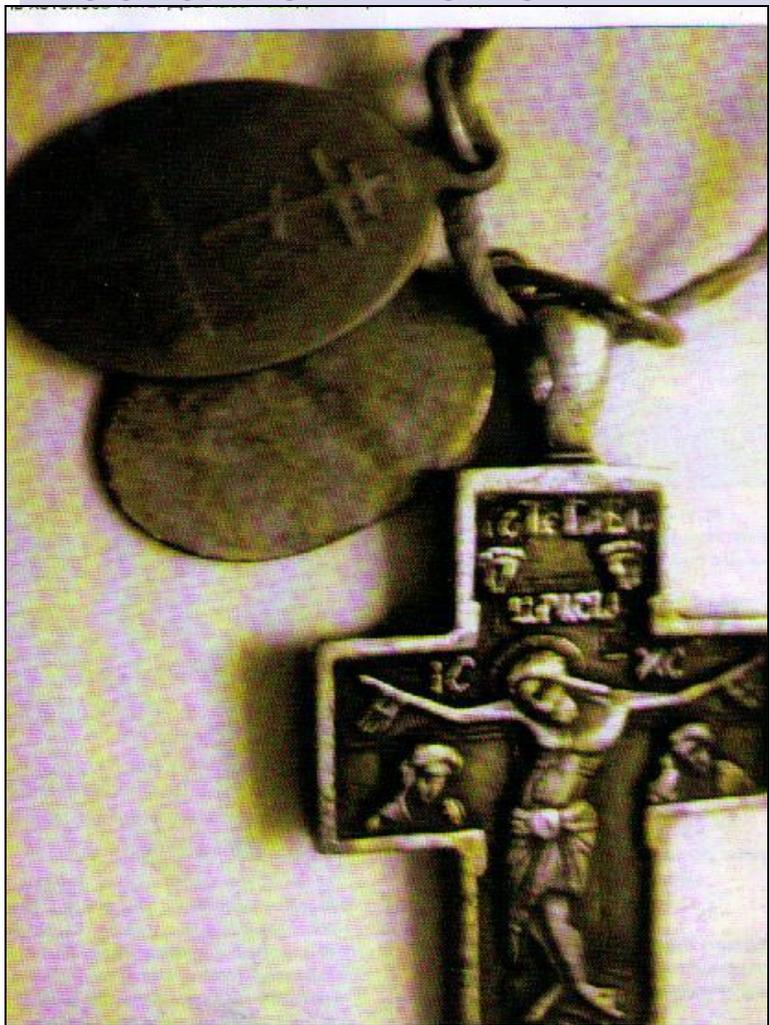
- «Четыре жизни»
- «Псы войны»
- «Последний парад»(Реквием)
- «Джяляб»
- «Падающая звезда»
- «Азбука выживания»
- «Профиль ветра
- «Русская душа»
- «Гладиатор»
- «До седла»
- «Белая невеста»
- «Фараон и Нефертити»
- **«Выбор»**

***Его рассказы –
это азбука
выживания
русского
человека в
нынешней
России.***

***«Увы, история людей ничему не учит, и
безумие границ не имеет»,- говорит герой
рассказа В.Дёгтева «Четыре жизни».***

«Он вставил в автомат новый тяжелый, набитый патронами магазин, где **в каждой пуле скалилась смерть**, а пустой между тем, гремя как коробка, поскользился по камням вниз».

«Его захватят уже мертвым. При обыске обнаружат на груди монашеский крест-парамад, а между лопатками, ладанку-мощевик... После чего его разрубят на четыре части – крестообразно – и предложат по рации «диким гусям» менять каждую часть на одного пленного мусульманина».

В.Дёгтев «Четыре жизни»

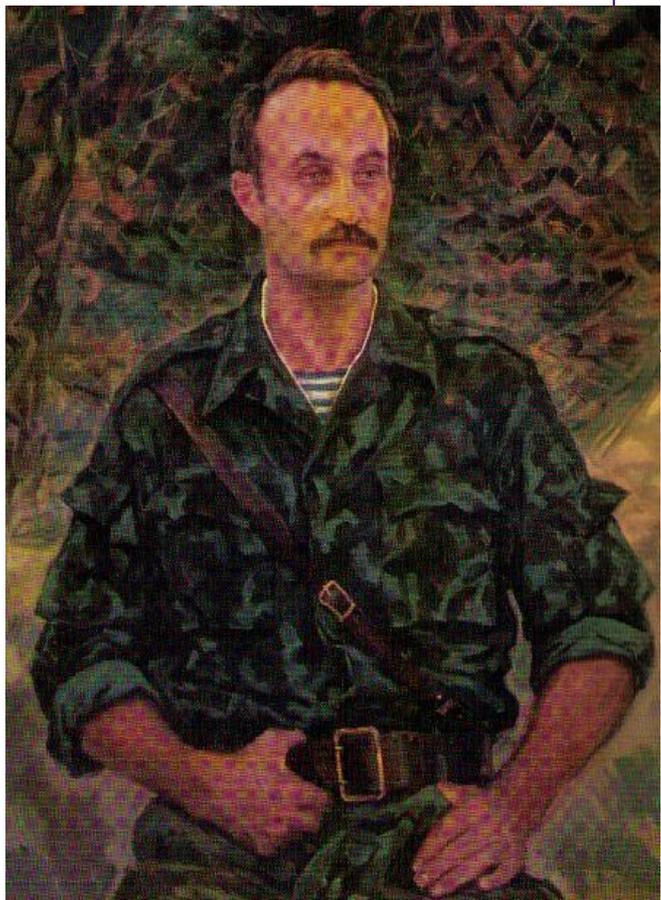
«Все мы знаем, что рано или поздно умрем, но все равно не верим в собственную кончину, а потому всякая религия есть форма подготовки к смерти, а путь воина – есть путь преодоления страха смерти».

В.Дёгтев. «Последний парад» (Реквием).

Рассказ В.И.Дёгтева «Выбор».

Вопрос:

Какой
композиционный
прием лежит в
построении
«Выбора»?

1. Он был с Дона, она — с Кубани.

Он служил гранатометчиком, она — в полевой пекарне.

У него в прошлом было много чего разного, в основном неприятного, что сейчас, на войне, казалось несущественным: работа, жена, семейные дразги.

У нее где-то в Армавире, говорили ребята, осталась старушка-мать, которую не на что было лечить, потому и поступила она в армию хлебопеком. Восемьсот рублей в день «боевых» — где их, такие деньги, в России заработаешь?

2. Они не обмолвились ни единым словом друг с другом — она нарезала хлеб, он подходил к раздаче в очереди таких же, как сам, грязных, пропотевших солдат, и молодых безусых «срочников», и угрюмых в основном «контрактников», у которых у каждого была в жизни какая-нибудь трагедия (от хорошей жизни на войну не вербуются), подходил, молча брал свою пайку, любил он с поджаристой корочкой, даже чтобы чуть-чуть хлеб был подгорелый, и она в последнее время стала оставлять ему именно такой.

Она молча клала в его огрубелую ладонь пышущий жаром пышный пахучий хлеб, пальцы их соприкасались, они вскидывали друг на друга глаза — **у него они были серые, стального, немного зеленоватого цвета, у нее — карие, выпуклые, как у породистой преданной собаки; в последнее время глаза у нее сделались отчего-то золотистые и с янтарным оттенком.** Вот и все было их общение.

Он знал, что зовут ее Оксана, редкое по нынешним временам имя. Она, конечно же, имени его не знала. Да и зачем ей, молодой и красивой, имя какого-то гранатометчика в потертом бушлате и с проседью, **«дикого гуся», «пса войны»,** сбежавшего на эту непонятную необъявленную войну от нужды, беспросветности и тоски.

Нет, кажется, раза два он сказал ей: «Спасибо!», а она ответила: «Пожалуйста!» Вот теперь уж точно — все!

В последующей характеристике гранатометчика встречаем:
«дикий гусь», «пес войны».

Случайно ли автор берет эти выражения в кавычках?

Что они значат?

Как называется такой прием в литературе, когда автор умышленно или невольно использует образ, мотив, выражение из произведения какого-либо автора?

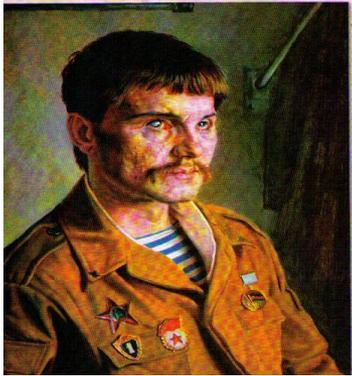
Литературная справка.

Реминисценция – присутствующие в писательских текстах отсылки к предшествующим литературным фактам: отдельным произведениям, образам, сюжетам. Это образы литературы в литературе. Реминисценция в одних случаях вводится в текст автором сознательно и целеустремленно, либо они появляются независимо от намерений и воли автора.

У В.Шекспира «Юлий Цезарь», когда главный персонаж пьесы обращается к подданным, призывая: «Сейте смерть! Спускайте псов войны!» Драматург «псами войны» называет наемников, варваров, не останавливающих ни перед чем ради наживы.

Выражение «дикий гусь» в XX веке на Западе означало наемника, солдата, выбирающего, на какой из воюющих сторон он будет сражаться.

Культурологический комментарий понятия «потерянное поколение»

Огромное влияние на европейскую культурную традицию оказала Первая мировая война – доселе беспрецедентная в цивилизованном мире по своим масштабам. Эта война словно бы разрушила над головой миллионов людей кажущийся незыблемый ценностный свод: в первую очередь это коснулось молодого поколения интеллигенции. Это было поколение, брошенное на четыре года из университетских аудиторий в окопы. Люди, воспитанные на богатейших гуманистических культурных традициях, должны были пережить ломку взглядов, убеждений и на 4 года превратится в нерассуждающие и абсолютно бесправные автоматы, лишенные права распоряжаться собственной жизнью. Они были обязаны по приказу убивать, по приказу умирать.

3. Да, несколько последних лет он не жил — существовал. В тоске и беспросветности. Он не верил больше женщинам. Казалось, все они сделались шлюхами, падкими на деньги, тряпки и удовольствия. Телевизор с рекламой прокладок, безопасного секса, Багам, Канар и французского парфюма сгубил русскую бабу. Вместо того чтобы мечтать о детях, они теперь мечтают о колготках от Версачи. И с некоторого времени он стал рассуждать совсем как эти «звери», с которыми приходилось сейчас воевать: русские женщины продажные, живут даже с неграми («лишь бы человек был хороший»), и потому нет у нас будущего и весь народ обречен на вымирание.

Он был согласен с этим, как это ни прискорбно. В прошлом служил он в милиции участковым и насмотрелся такого, что даже не рисковал никому рассказывать — не поверят. Он любил свою жену-пианистку, она же считала его неровней себе, не парой, а потому спуталась с каким-то плюгавым настройщиком роялей и постоянными вздорными заявлениями в УВД сначала вынудила начальство отобрать у него, заядлого с 16 лет охотника, ружье, которым он будто бы ей угрожал, затем лишить его табельного оружия, а потом и уволить из «органов». Квартиру, которую он заработал, поделила, но ключи не отдавала, жила в ней одна. Он помыкался, помыкался, то у родителей, то где придется, и пришлось соглашаться на то, что она ему предложила (и то спасибо соседям, засовестили ее), и досталась ему после разъезда **конура** — в прямом смысле, без всяких кавычек. **Ах, как тоскливо и горестно** бывало ему в той конуре, особенно вечерами! Одно оставалось — выйти, взять бутылку. **Пил, пока деньги были...**

4. А тут началась война. И ноги как-то сами собой принесли его к казачьему атаману, а потом в военкомат, и взяли его на войну, и направили в отдельный казачий полк по армейской специальности и с армейским званием — гранатометчиком и младшим сержантом.

Так и служил он уже второй год, бывший старший лейтенант милиции, младшим сержантом. За это время **он сделался настоящим «псом войны»**. Уже не являлись ему во сне убитые им «звери», уже не дрожали в бою руки. Недавно пришлось пристрелить своего — уж очень парень был труслив, чуть что — сразу же у него паника, в бою своим несдержанным поведением чуть всех не угробил, пришлось под шумок щелкнуть его в затылок. А то еще на днях приезжал в полк известный своими мерзкими интервью с так называемыми «полевыми командирами» один московский **журналюга** — этого педика просто **подставили под пули** те, кого он воспевал, после чего некоторые сослуживцы, даже офицеры, подходили к нему и молча жали руку. Что ж, на то она и война.

5. Вот такая теперь была у него жизнь.

Но в последнее время суровая его жизнь стала скрашиваться присутствием Оксаны в их полевой походной пекарне.

Оксана как-то выступала на День Победы перед солдатами. Среди прочей самодеятельности она плясала чечетку, или, как называют специалисты, степ. Когда-то в прошлом она занималась в танцевальном кружке при Доме пионеров и в тот день, в святой для всякого русского День Победы, решила, видать, потряхнуть стариной. На ней были блестящие хромом сапожки, которые полковые умельцы подбили так, что они и звенели медными подковками, и скрипели вложенной между стелек берестой.

Ее стройные, немного полноватые в икрах ножки так и мелькали, так и носились по дощатой сцене — стоял топот, стук, скрип, а солдаты сидели кто на чем, некоторые — раскрыв от восхищения рот, сидели и смотрели на это чудо, и не один, верно, плоховато спал в ту ночь.

Да, **она была настоящая королева** их полка. Многие вздыхали, некоторые даже пытались чего-то там предпринимать, да только без толку. Как истинная казачка, **она знала себе цену, строго держала себя. Поэтому он даже и не пытался...**

6.1. И вот сейчас ее внесли на носилках двое дюжих измазанных глиной десантников. Внесли в подвал-бомбоубежище, где когда-то выращивали шампиньоны (ими до сих пор еще тут кисловато пахло), а теперь оборудован был полевой госпиталь и где он получал индивидуальные аптечки на весь взвод.

Она была по самый подбородок укрыта окровавленным то ли пледом, то ли ковром, то ли одеялом. Среди раненых и медобслуги пополз шумок: «звери» обстреляли хлебовозку, где, случилось, и сами получали дармовой хлеб.

Ее положили возле печки-буржуйки, в которой гудело замурованное пламя и наносило тополевым горьковатым дымком, который будил в памяти осенние субботники и запах сжигавшейся листвы.

Глаза ее горели каким-то странным, лихорадочным, янтарным огнем. В них прямо-таки плескался непонятный и потому страшный пожар. Он подошел к ней. Она угадала его и улыбнулась.

— А-а, Роман! Здравствуй!

Он удивился: откуда знает его имя? Ведь они не знакомились. Они даже ни разу не поговорили. «Спасибо». — «Пожалуйста» — вот и все! Она пекла хлеб для всего полка. Он был одним из трех тысяч солдат. Все солдаты на одно лицо. Но на душе сделалось так тепло и так легко, хоть пой, хоть скачи козленком.

6.2.— Видишь, как меня? — продолжала говорить она. — Ну ничего, это ведь не страшно. И не надолго. Мы еще потанцуем. Ведь правда, Рома?

— Конечно, конечно. **Ты только не говори много. Береги силы.** Потом мы с тобой наговоримся. И натанцуемся. Ты еще покажешь класс — в своих скрипучих сапожках-то...

— **Сапог, сапог!** — Она схватила его за руку, притянула к себе, приложила ладонь к своей щеке — щека горела огнем! — зашептала свистящим полусшепотом, с перехватом дыхания: — Слушай, **будь другом...** Я стеснялась этих ребят-санитаров, чужие люди, а тебя попрошу, будь другом, сними с меня левый сапог — жмет, **вражина**, мочи нету! Или разрежь его, что ли, а?

Он кивнул и приподнял край задубевшего от крови одеяла.

Ног у нее не было по самые колена.

Его бросило в жар. Он еле сдержался, чтоб не отшатнуться. Стоящая у бетонного столба молоденькая медсестра, помогавшая размещать раненых, чуть слышно вскрикнула, увидев это, и заткнула рот воротом халата, испачканного кровью, грязью, зеленкой.

Он медленно опустил край одеяла (или ковра?), поправил его и приблизился к ее лицу. В глазах Оксаны, оглушенных промедолом, прочитал облегчение, будто сапог и в самом деле перестал мучить.

В подвале сразу же отчего-то сделалось тихо. Так тихо, что слышен стал лязг и звон инструментов за ширмой, где готовили стол для операции.

7. — Знаешь что, Оксана дорогая? — сказал он хриповато, но твердо. — А выходи-ка ты за меня замуж, — докончил он и словно груз сбросил.

Она широко распахнула глаза. В них были слезы.

— Что? Замуж? — Сейчас в глазах уже плескалась радость. Да, радость! Радость золотая, неподдельная. — Я знала, что ты рано или поздно заговоришь со мной. Я знала... Но замуж?! — И тут же промелькнуло недоверие в ее тоне, даже настороженность появилась в интонации. — Но почему именно сегодня, именно сейчас?

— **Боюсь, что завтра...завтра я не осмелюсь.** Так что сейчас решай.

Она коснулась его темной загорелой руки. Закрыла янтарные свои прекрасные от счастья глаза и прошептала:

— Какой ты... **Ведь правда, все у нас с тобой будет хорошо?** Меня сейчас перевяжут, и мы с тобой еще станцуем на нашей **свадьбе...Ведь правда, Рома? Ах, как я счастлива, Ромка!**

У бетонного столба стояла молоденькая медсестра и беззвучно плакала.

В подвале висела звонкая, чистая, прямо-таки стерильная тишина, запах грибов куда-то пропал, и лишь горьковато припахивало от печки тополевыми поленьями...

В журнале “Москва”, рассказывая о своем творчестве, Вячеслав Дёгтев пишет: “В последнее время в своих рассказах я ухожу от трагических финалов. Русский человек верит в чудо, и это нечто большее, чем просто оптимизм. Если Россия – подножие Господа, то Бог не оставит Россию”.

Домашнее задание.

I. Продолжить рассказ «Выбор»

или

II. Написать рецензию
на рассказы В.И.Дегтева

- 1 вариант «Псы войны»,
- 2 вариант «Последний парад»,
- 3 вариант «Четыре жизни».